

— Насчет встречи со Стражем в парчовых одеждах больше не беспокойся, — с раздражением сказала Диди. — Молодой господин сам найдет человека. Ты в эти дни просто продолжай работать.

На лице Пань Цзюня мелькнуло удивление:

— Но... вы же сказали, что Страж в парчовых одеждах лично прислал человека, чтобы встретиться со мной?

Диди нахмурила свои изящные брови:

— По идее, так и есть, но ведь письма писал не ты. Молодой господин настаивает, что мы отвечаем только за доставку писем, а насчет встречи он сам найдет кого-то.

Пань Цзюнь был в недоумении:

— Разве это не создает лишних проблем? Страж в парчовых одеждах не знает, кто написал письма, почему бы не позволить мне продолжить?

Он явно был рад возможности встретиться, и в его тонких, соблазнительных глазах появилась тень разочарования, вызывая непроизвольное чувство жалости.

— Молодой господин сказал, что сам найдет человека, — фыркнула Диди. — Кто знает, что у него на уме?

Пань Цзюнь, видя, что столь долгожданная возможность ускользает, слегка прикусил губу и сказал:

— Мадам, кого молодой господин Хэ хочет найти для встречи со Стражем в парчовых одеждах? Может, я поговорю с ним...

Он знал все детали этого дела, и, возможно, у него еще был шанс.

— Ты лучше не ходи... — поспешно остановила его Диди. — Молодой господин ушел в гневе и заставил меня поклясться, что ты не появишься в тот день ни на миг. Деньги ведь его, и если он не хочет, чтобы ты появлялся, тебе даже лучше...

Ее тон смягчился:

— В любом случае, эти деньги все равно достанутся тебе. Ты ведь не зависишь от одного клиента, оставь это.

На этом разговор закончился, и Пань Цзюню не оставалось ничего, кроме как покорно поклониться и вернуться в свою комнату.

Те куртизаны, которые пришли поздравить его, естественно, услышали все, что было сказано, и, увидев, как Пань Цзюнь вошел в комнату, быстро и незаметно удалились.

В комнате остался только Пань Цзюнь.

Мерцающий свет свечи отбрасывал его тонкую тень на ширму, создавая атмосферу печали.

Он медленно подошел к окну и открыл его.

Был разгар зимы, и воздух столицы был настолько холодным, что пронизывал до костей. На ветвях деревьев висел тонкий слой инея, напоминая ему о том дне из его кошмара.

Свет парчовой сабли, разливающийся кровавыми отблесками, и дом, наполненный беспомощными криками.

Пань Цзюнь крепко сжал кулаки, в его глазах мелькнула холодная решимость.

Он оставался в столице, влача жалкое существование, только ради того, чтобы увидеть, как семья Цяо падет.

Все эти годы он намеренно унижался, чтобы сблизиться с чиновниками из Усмирительного управления, и, переходя от одного к другому, он познакомился со многими стражами в парчовых одеждах.

Но все они вращались вокруг семьи Цяо, и ни разу не было настоящего сближения.

Семья Цяо занимала высокое положение в Страже в парчовых одеждах, словно находясь в облаках. Как же сложно было сблизиться с ними, а затем свергнуть?

Случайно столкнувшись с Хэ Чжияном из Академии Гоцзыцзянь, Пань Цзюнь наконец получил то, чего так долго желал.

Он думал, что на этот раз сможет сблизиться с семьей Цяо и действовать по плану.

Но это оказалось лишь миражом, пустой надеждой.

Все его усилия и время были потрачены впустую.

Пань Цзюнь на мгновение закрыл глаза, и в его облике снова появилась привычная мягкость и покорность. Он громко сказал:

— Кто-нибудь!

Сразу же кто-то поспешил к нему и остановился за ширмой:

— Что прикажете, господин?

— Сотенный командир Ли из Стражи в парчовых одеждах недавно приходил?

— Сотенный командир Ли был здесь вчера, но вы приказали не беспокоить вас, и я его прогнал.

Ли Сяо был склонен к мужчинам и влюбился в Пань Цзюня с первого взгляда. В последние полгода, несмотря на запреты Стражи, он приходил все чаще, и Пань Цзюнь также был с ним весьма любезен.

Ведь отец Ли Сяо занимал высокое положение в Страже в парчовых одеждах, уступая только семье Цяо.

Если упомянуть об этом... возможно, появится шанс.

Менее чем через полчаса Ли Сяо уже был у дверей. Он был высоким и крепким, с густыми бровями и большими глазами. Увидев Пань Цзюня, он сразу же расслабился и привычно обнял

его:

— Ну, наконец-то ты вспомнил обо мне?

В последние дни, когда он приходил в Терем Весенней Волны, Пань Цзюнь внезапно изменился и всегда говорил, что кто-то его обслуживает и он не может его принять. Ли Сяо, получая отказы, был в отчаянии и даже решил подождать у дверей, но к ночи так и не увидел, чтобы кто-то выходил из комнаты Пань Цзюня.

«Ха, видимо, все это было лишь предлогом, чтобы порвать со мной...»

Ли Сяо, находясь в плену чувств, был на грани отчаяния, и его гордость заставила его поклясться, что он больше никогда не будет искать Пань Цзюня первым!

В этот вечер, вспоминая прошлое и кипя от гнева, он получил известие, что Пань Цзюнь хочет его видеть. Ли Сяо тут же отбросил обиду и, словно по приказу императора, радостно поспешил к нему.

Немного пообнимавшись, Ли Сяо наконец с раздражением спросил:

— В последние дни ты что-то скрываешь от меня?

Пань Цзюнь улыбнулся и честно ответил:

— Да, не буду скрывать, в последние дни я хотел завести новый бизнес. Не могли бы вы мне помочь?

Он не упомянул Хэ Чжияна, а просто кратко рассказал, что хотел бы познакомиться с Цяо Юэ, письма уже отправлены, и он хотел бы встретиться втроем.

— Ты написал эти письма? — Ли Сяо вскочил, его лицо потемнело. — Ты! Ты влюбился в него?

Пань Цзюнь повернулся, его белоснежные уши отражали свет свечи:

— Что вы говорите, господин, я всего лишь бизнесмен. Я просто хотел воспользоваться моментом, пока семья Цяо на пике славы, но, как оказалось, я всего лишь отправил несколько писем, а тысячник захотел со мной встретиться. Я подумал, что сейчас я ваш человек, и хотел бы пойти с вами вместе.

В эпоху Дамин нравы были довольно свободными, а он был куртизаном, поэтому одновременное обслуживание нескольких чиновников было обычным делом. Цяо Юэ и Ли Сяо служили вместе в Страже в парчовых одеждах и были неразлучны, так что их троица могла бы стать весьма интригующей историей.

Однако отношения между Ли Сяо и Цяо Юэ, хотя они и служили вместе, были довольно напряженными. Если бы это был кто-то другой, Ли Сяо, возможно, с радостью представил бы его, но он не хотел делить свою возлюбленную с Цяо Юэ.

— Тебе, вероятно, не стоит на это рассчитывать, — покачал головой Ли Сяо. — Наш тысячник Цяо не из тех, кто любит наслаждаться жизнью. Он холоден и суров, редко пьет вино, так что вряд ли попадет в твои сети.

— Из дружбы я дам тебе совет, — Ли Сяо взял его за подбородок и небрежно сказал. — Если он назначит тебе встречу, ни в коем случае не появляйся. У него жестокий нрав, не такой, как у

меня, который умеет ценить красоту.

Хотя он и не знал, почему Цяо Юэ захотел встретиться с тем, кто отправлял письма, Ли Сяо знал, что если Цяо Юэ чем-то заинтересовался, то это наверняка было связано с преступлением. А если кто-то привлек его внимание, то этому человеку... будет плохо.

Пань Цзюнь прикрыл рот рукой и засмеялся:

— Разве я не знаю ваших достоинств? Я говорю вам правду, господин, я просто думаю, что Стража в парчовых одеждах — это владение семьи Цяо, а тысячник еще молод. Если сейчас с ним сблизиться, это будет лучше, чем потом пытаться залезть на вершину.

Эти слова были весьма откровенными, но Ли Сяо не согласился:

— Стража в парчовых одеждах — это владение семьи Цяо? Ха, что ты говоришь, куда ты деваешь императора? Даже внутри Стражи, что может сделать семья Цяо? Все решается совместно с моим отцом! И, как говорится, на вершине холодно. Что такое семья Цяо? Если император захочет срубить эту ветвь, это будет одним его словом.

Пань Цзюнь слегка удивился. За все эти годы стражи, приходившие к нему, обычно только жаловались на дела, редко упоминая внутренние конфликты.

Это был первый раз, когда Ли Сяо поделился с ним своими недовольствами, и он начал подозревать, что внутри Стражи в парчовых одеждах также есть свои темные стороны.

Иначе Ли Сяо не был бы столь недоволен.

Пань Цзюнь тут же перестал думать о встрече и начал осторожно выпрашивать:

— Разве император не доверяет семье Цяо? Стража в парчовых одеждах подчиняется только императору, так что если семья Цяо будет спокойна, император, естественно, поддержит их?

Этот вопрос был задан с наивным видом.

Ли Сяо был прямолинеен и любил хвастаться перед своими возлюбленными:

— Император весьма подозрителен, как он может искренне доверять семье Цяо?

Нынешний император изначально не был наследным принцем. После дворцового переворота он отобрал трон у своего брата и успешно взошел на престол.

Хотя сейчас он прочно сидит на троне, его подозрительность к другим никогда не исчезала.

Четыре семьи, которые помогли ему взойти на трон, должны были быть в почете, но из-за подозрительности императора одна за другой пали.

Сейчас в столице остались только семьи Хэ и Чжэн. Семья Хэ получила графский титул, но в окружении столичной знати это выглядело скорее как насмешка. Семья Чжэн и вовсе служила в Страже в парчовых одеждах, всегда подчиняясь приказам.

Подозрительность императора была очевидной.

Семья Цяо заслужила доверие императора только потому, что была острым мечом, способным убивать.

Но, зная слишком много, доверенное лицо однажды может стать угрозой.

За тридцать лет правления императора семья Цяо стала пятой, кто занимал пост командующего. Все предыдущие командующие, какими бы могущественными они ни были, в конце концов погибли.

Те, кому повезло, получили шелковый шнур. Те, кому не повезло, были разорваны повозками или обезглавлены.

<http://bllate.org/book/16783/1543316>